

АЛЕКСАНДР РУДНЕВ

“МАЯКОВСКИЙ: PRO ET CONTRA”

Под таким ставшим уже традиционным заглавием в прошлом 2014 году в Санкт-Петербурге вышло очередное увесистое издание “Русского пути”, посвящённое личности и творчеству В. В. Маяковского в оценках современных ему писателей, критиков, исследователей, политических деятелей, составленное и прекрасно прокомментированное известным маяковедом, участником группы ИМЛИ, работающей над уже начавшим выходить Полным академическим собранием сочинений Маяковского в 20-ти томах, В. Н. Дядичевым. В этот уже 2-й том антологии вошли критические рассмотрения творчества поэта и отзывы о нём, начиная с 1924 года и заканчивая посмертными оценками и характеристиками, включая 1935 год. Большинство этих материалов перепечатываются впервые с момента начальной их публикации.

Составитель справедливо отмечает в предисловии, что всякого рода “сбрасывания с пьедестала”, “развенчания” Маяковского, сдирание с него хрестоматийного глянца, происходившие в 1990–2000-х годах, оказываются уже, по его мнению, “неубедительными повторами, неудачным “ремейком” словесных баталий вокруг Маяковского 1920–1930-х годов, а “зеркалом русской революции” для нас сегодня оказывают не “лаконичные документальные сведения о героических днях”, а творческие свидетельства подлинных художников – современников событий. Таким “зеркалом” является творчество Маяковского, продолжающего свой путь в бессмертие (с. 8), невзирая ни какие пересмотры и дискуссии, не умолкавшие в течение всего XX столетия, да продолжающиеся и поныне, когда прошло уже 85 лет со времени гибели поэта.

Как известно, литературоведческая, критическая и мемуарная литература о Маяковском огромна. Один лишь перечень публикаций на русском языке о нём за 100 лет (1909–2010), указывает В. Н. Дядичев, занимает “свыше 1800 книжных страниц” (с. 9).

Антология же, которая сейчас перед нами, содержит 6 разделов: “Футуризм и революция”, “От “Ленина” к “Десятому Октябрю”, “От Революции духа к культурной революции”, “От футуризма к футурологии”, “После выстрела в Лубянском”, “От смерти к бессмертию”. Перед читателями, как видим, развёртывается целая панорама критических отзывов о Маяковском самых разнообразных литературных, а также и политических деятелей – от Ю. И. Айхенвальда, К. М. Мочульского, Ю. Н. Тынянова, Б. Я. Бухштаба, Н. В. Рыкова, О. М. Брига до Д. Бедного, М. Е. Кольцова, М. Цветаевой, Андрея Белого, Р. Якобсона В. П. Полонского, А. В. Луначарского, Н. И. Бухарина и заключается знаменитым пассажем И. В. Сталина: “Маяковский был и остаётся лучшим, талантливым поэтом нашей советской эпохи”.

Из множества приведённых материалов становится очевидным, что Маяковского активно не принимали критики и литераторы самых разнообразных

направлений и вкусов, особенно в статьях, рассматривающих футуризм как литературно-общественное течение. Недаром язвительный Корней Чуковский, впоследствии в целом положительно и сочувственно относившийся к поэту, назвал в своей ещё дореволюционной книжке о футуризме Маяковского “хулиганом и кликушей”.

“Уже первые стихотворения Маяковского, – писал Н. Горлов в статье “Футуризм и революция. Поэзия футуристов”, – были криком, который не могла прожевать старая литература. Было ясно, что пришёл в литературу кто-то чужой, большой и грубый, не имеющий ни малейшего отношения ни к её современным идолам, ни к её реликвиям и мощам, пришёл и стал выметать эти “святыни” как ненужный сор” (с. 46).

В критике того времени было также достаточно распространённым сопоставление поэзии Маяковского с эстетикой и литературной практикой экспрессионизма, в частности, и главным образом с творчеством Леонида Андреева, в целом далёкого от Маяковского и чуждого ему, с его “родами, масками, хищниками”, чудовищными гиперболами. И в этом был несомненный резон. Именно так писал о Маяковском в 1920-х годах А. В. Луначарский.

Литературные деятели, ушедшие в эмиграцию – Ю. И. Айхенвальд, В. Ф. Ходасевич, отчасти М. А. Осоргин, – признавая талантливость и своеобразность поэзии Маяковского, всегда присущее ей остроумие, “её надёжность неожиданными, хотя и придуманными образами <...> избытком темперамента” (Ю. И. Айхенвальд), но всё же считали его всего лишь поэтом “агит-лубка”, поскольку, по их убеждению, он никак не возвышался “над элементарностью и трафаретностью” (с. 82).

В. Ф. Ходасевич в большой статье под названием “Декольтированная лошадь” утверждал, что литературная биография Маяковского есть не более чем “история продвижения от грубой пошлости несознательной – к пошлой грубости нарочитой” (с. 248). И в отличие от многих других, писавших о Маяковском, Ходасевич начисто отказывал ему в каком бы поэтическом новаторстве, считая Маяковского отнюдь не “поэтом рабочего класса”, а только лишь своего рода стихотворным рупором “подонков, бездельников, босяков просто и босяков духовных” (так же, заметим, как, например, Р. В. Иванов-Разумник называл Маяковского “ломовым извозчиком поэзии”), в пререволюционные годы “пужавшим” подонков интеллигенции и буржуазии, выкрикивая брань и похабщину с эстрады Политехнического музея”, ибо истинный пафос его был и навсегда остался пафосом “хулиганства, погрома и мордобоя” (с. 252).

А известный дореволюционный критик П. Пильский определил Маяковского как “стихотворного Дорошевича для дураков”.

Но наряду с этим нельзя не заметить и того, что известные литературоведы и критики 1920-х годов уделяли наибольшее, пожалуй, внимание формальной стороне поэтического мира Маяковского. Так, искусённый филолог Ю. Н. Тынянов в известной статье “Промежуток” выводил литературную родословную Маяковского через голову XIX века в век XVIII, ибо, как он считал, “геологические сдвиги XVIII века ближе к нам, чем спокойная эволюция XIX века” (с. 91). Поэтому Маяковский, таким образом, в известной мере как бы “воскресил” и возобновил грандиозный вселенский поэтический образ, утерянный со времени Державина, а отчасти и Ломоносова, так как “стих Маяковского – всё время на острие комического и трагического. Это площадной жанр, “бурлеск”, рассчитанный именно на площадный резонанс” (там же).

В противоположность тем, кто постоянно критиковал и обличал Маяковского за агитационность и рекламизм, близкий поэту О. М. Брик взял на вооружение известный отзыв В. И. Ленина о стихотворении “Прозаседавшиеся”.

“Ленин, – писал О. М. Брик, – не берётся судить, хороши ли эти стихи поэтически. Но если бы они были плохи, он бы их просто не заметил, – и, конечно, никакого удовольствия бы не испытал” (с. 105).

Интересна и во многом показательна рецензия известного ленинградского литературоведа тыняновской школы и критика, совсем молодого тогда Б. Я. Бухштаба на книгу Маяковского 1929 года “Слоны в комсомоле”, в которой, по его убеждению, вместо стихов “рифмованные статьи, не имеющие силы новой мысли, так как это повторение много раз читанных статей, ни силы логической убедительности, доступной только прозе, ни силы поэтической концепции, которой просто нет” (с. 437). Стихи этого сборника отличает, по мнению критика, “поразительная художественная неряшливость” (там же

они сравниваются и сближаются с известной дореволюционной лубочной детской книжкой “Стёпка-растрёпка”.

Читая антологию, можно только удивляться тому, насколько противоречиво в тогдашней критике оценивались такие ключевые произведения Маяковского советского периода, как поэмы “Владимир Ильич Ленин”, “Хорошо!”, “Левый марш”, “Во весь голос”, драматургия – вначале “Мистерия-буфф”, а затем “Клоп” и “Баня”. Один признавали их высшим достижением нового пролетарского искусства в целом, другие же считали всё это “жёванной бумагой”, отказывая означенным произведениям в какой бы то ни было художественной значимости и делая акцент на исключительно их агитационно-лубочном содержании, невзирая на их подлинно-стиховое новаторство, блестящее сатирическое мастерство, острую политизированность и публицистичность. Однако неслучайно некоторые, например, А. В. Февральский, усматривали основную заслугу Маяковского именно в том, что он сделал поэзию публицистической, но в высоко поэтическом смысле этого слова. А что касается драматургии Маяковского, то её сценическое воплощение, как известно, оказалось тогда под силу только Вс. Мейерхольду.

Многие же критики – писали о “чётко утилитарном” искусстве Маяковского, осуждая его за нигилистическое отношение к классическому наследию. Так. Г. Шангели в очень неаполетической по отношению к поэту книге “Маяковский во весь рост” отмечал, что, например, “Толстой, которого Маяковский удостоил заимствованием названия для поэмы (“Война и мир” <...> оказывается годен у него только для непристойного сравнения:

– И с неба смотрела какая-то дрянь
Величественно, как Лев Толстой” (с. 194)

или же пьесе “Баня” Толстой назван совершенно издевательски “величайшей медведицей пера” (там же).

Но удивительно одно: никто из тогдашних критиков так и не пришёл к столь беспорному и очевидному выводу, что поэзия Маяковского – это чистой воды авангардизм даже в своих наиболее, казалось бы, одиозных советско-агитационных проявлениях.

Помещённые в издании многочисленные отклики на неожиданную и трагическую кончину Маяковского (Я. Агранов, Н. Асеев, Д. Бедный, Д. Бурлюк, С. Третьяков, И. Беспалов, Д. Заславский, Ю. Тынянов, Г. Фиш, Д. П. Святополк-Мирский, Л. Д. Троцкий и др.) объединяет в первую очередь один и тот же основной и доминирующий мотив – подобно Пушкину, ушёл из жизни 37-летний поэт, составивший эпоху в отечественной словесности нового революционного времени, оставивший такой след, равного которому, пожалуй, в определённом смысле не было в истории литературы. Такой преимущественно смысл всех откликов, но имевших отнюдь не только поминальный, некрологический характер. Отголоски прежних жарких дискуссий ошутимы в них, хотя, конечно же, ругань, которой осыпали Маяковского при жизни, уже во многом потеряла смысл. Маяковский стал рассматриваться и оцениваться на некотором расстоянии, так как урна, захороненная на Новодевичьем кладбище, навсегда отделила его от живых, в том числе и тех, с кем он, по его словам из предсмертного письма, не успел “дурнуться”.

Так, А. В. Луначарский впервые публично признал, что “в великом целом жизни Маяковского были две необходимые друг другу стихии: эпическая, широко общественная и лирическая, глубоко интимная. Трубы и литавры великой борьбы, “флейта-позвоночник” (с. 487). Но Маяковский “разбился о быт как частная личность” (с. 489).

О “новых революционных обязанностях” стихового слова Маяковского написал в своей некрологической заметке упоминавшийся Ю. Н. Тынянов. Для поколения своих сверстников и современников он был, по выражению критика, их “новой волей”. И его стихи были явлением не книжного, а скорее уличного, сугубо публичного порядка, ибо он вёл сознательную борьбу за гражданский строй поэзии, тем самым во многом “наступая на горло собственной песне”, будучи – проникновенным лирическим поэтом (с. 498-499), хотя далеко не все это признавали как при жизни, так и после смерти Маяковского.

Наиболее же отчётливо и выразительно путь Маяковского в будущее и к бессмертию отражён в последнем разделе книги “От смерти к бессмертию”,

который, как нам представляется, удачнее было бы озаглавить “Смертию смерть поправ”. В этих заметках, откликах и статьях ещё всё-таки не вполне стихнувшие споры о значении Маяковского перебиваются утверждающим глубоко позитивным тезисом о том, что “Маяковский был великим мастером своего искусства, деловитым и пылким, вдохновенным работягой. Он был подлинным новатором в литературе” (Л. Якубинский, с. 593). А и будущее, воскрешающее людей настоящего – это не только поэтический приём (поэма “Война и мир”. – А. Р.), не только мотивировка причудливого сплетения двух повествовательных планов. Это сокровенный мир Маяковского” (Р. Якобсон. “О поколении, растратившем своих поэтов”, с. 609).

Таким образом, можно заключить, что все pro et contra оказались всё-таки взвешенными в этой мозаике самых разнородных и разнообразных критических суждений о великом поэте, интерес к которому не исчезает до сих пор, чему наиболее показательные свидетельства – новое научное издание сочинений Маяковского, строящееся по жанрово-хронологическому принципу, где он представлен ещё и как талантливый и интересный художник, работы о нём современных исследователей, написанные на высоком уровне современного литературоведения и с большой любовью к предмету и, кроме того с привлечением многочисленных, ранее лежавших под спудом материалов и источников. Та что, если перефразировать заглавие известной поэмы Н. Асеева – “Маяковский продолжается”.

Информируем читателей, что в номерах 1—10 за 2015 год редакцией реализуется разработанный ею социально значимый проект “Славянские ручки...” Литература Республики Беларусь”.

Проект осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.